

Замир К. Тарланов (Петрозаводск)

Содержательная и формально-языковая перекличка как фактор стилистики

✦ Ключне речи:

Стилистика, синтаксис, факторы стилистики, стилистическая перекличка, сквозные выражения, инфинитивные предложения, памятники письменности.

Одна из важных задач текстовой стилистики как комплексной отрасли филологической культуры – это не знающее конца, завершенности в силу природы языка стремление к учету всех факторов, из которых складывается стилистический эффект. Без систематизации этих факторов, в принципе пусть даже динамичной, неустойчивой, ускользающей, очертить контуры предмета стилистики в целях *конкретного стилистического анализа* едва ли возможно.

Рад представља покушај да се на компаративном синтаксичком материјалу двају познатих разновременских споменика руске писмености средњег века постулира садржајна и формално-језичка *коресијонденција* као стилистички фактор. Анализом целокупног инвентара инфинитивских реченица у тим споменицима прате се путеви њиховог трансформисања у културно-историјски и стилистички препознатљиве синтаксичке симболе. Указује се на факторе који доприносе томе да они стекну карактеристике маркираних средстава националне књижевности.

Существенным среди таких факторов безусловно является тот, который можно обозначить в общем виде как *перекличку* соответствующих событий, тем, мотивов, языковых форм, синтаксических конструкций, имен, идей, типов организации текста, формул, последовательности выстраивания текстовых единиц, локусов и т. д.

Содержательная, историко-событийная и формально-языковая перекличка отчетливо высвечивает и то, что обычно

Стил 2006

именуется вторым планом в тексте, явным или скрытым подтекстом.

Такой прием не является новым и в той или иной мере присутствует в разных текстах, не чуждых элементов стратегии.

12

У истоков новой русской литературы протопопом Аввакумом он был назван «приводной речью» (Виноградов 1982: 46). Позднее в последовательной научной практике упомянутый прием квалифицируется по-разному в соответствии со смесью научных парадигм: как подражание, влияние, заимствование, взаимодействие, цитата, реминисценция, интертекст, метатекст и т. д.

В настоящих заметках для его обозначения предпочтение оказывается слову *перекличка* в его категориально-типологическом смысле, поскольку речь идет именно о событиях и соответственно текстах, безусловно *перекликающихся* между собой не только по сути, но и по их формальной организации. На это обстоятельство указывал в свое время С. К. Шамбинаго, говоря об авторе «Задонщины», намеренно создавшем «произведение, перекликающееся по замыслу и по форме с великой поэмой XII века» (Шамбинаго 1947: 41) – со «Словом о полку Игореве».

Предметом непосредственного рассмотрения в предлагаемых заметках является лишь один тип синтаксических конструкций в русском языке – инфинитивные предложения – в их текстовом распределении в «Задонщине», в памятнике последней четверти XV в., в сопоставлении с текстом «Слова о полку Игореве», памятника последней четверти XII в. При этом сами полные тексты двух памятников не сопоставляются. Эта работа исчерпывающе выполнена в исследованиях по древнерусской ли-

тературе, в особенности в юбилейном издании 1947 г. (См. Гудзий 1962: 171–172; особенно показательным в этом отношении отдельное юбилейное издание «Задонщины» 1947 г.).

Что касается инфинитивных предложений в «Слове о полку Игореве», их функционально-стилистической роли в нем, то эти вопросы уже рассматривались нами в отдельной статье (Тарланов 1990: 143–147).

В частности, в ней было установлено, что инфинитивные предложения в тексте «Слова о полку Игореве» используются на всем его протяжении девять раз и распределены по восьми сюжетно значимым местам, охватывающим зачин, грозные предзнаменования, поражение Игоря, плач русских жен, золотое слово Святослава, печальную песнь о княжеских раздорах, бегство Игоря, концовку «Слова».

В ней указывалось также, что по своей модально-семантической направленности эти предложения объединяются в две соизмеримые группы: а) предложения, реализующие общее модально-синтаксическое значение объективной неизбежности, неотвратимости действия; б) предложения, реализующие общее модально-синтаксическое значение невозможности действия.

Примечателен и достоин удивления тот факт, что общее количество инфинитивных предложений в «Задонщине» такое же, что и в «Слове о полку Игореве». И распределены они опять-таки по сюжетно значимым местам. Суммарно-текстологически их так же девять. Это – беспорное свидетельство тончайшей стилистико-языковой интуиции автора «Задонщины», благодаря которой без всяких, можно полагать, специальных подсчетов весьма точно схваченной

оказывается одна из своеобразных синтаксических доминант памятника XII в., служащая цели объективирования его содержания, придача ему характера неотвратимой закономерности.

Первый раз инфинитивное предложение – «Уже нам, братие, на пособь великому князю Дмитрию Ивановичу не поспеть» (Текстовые иллюстрации приводятся по: Гудзий 1962. Здесь и далее буква «ять» передается через букву «е») – использовано в прямой речи новгородских мужей «у святой Софеи», готовых влиться в число защитников Русской земли под началом Дмитрия Ивановича. Второй раз та же модель используется при описании ситуации кануна боя: «Быти стуку и грому велику на речьки Непрядве меж Доном и Непром, пасти трупу чело-вечью на поле Куликове, пролитися крове на речьки Непрядве».

В отличие от первого случая, подчиненного передаче субъективной, личной модальности – готовности людей включиться в общее дело, второй случай представляет модальность объективную, неизбежную, неотвратимую, не зависящую от воли людей.

В дальнейшем во всех остальных случаях та же модель отмечена в составе прямой речи: *чернеца, брянского боярина Пересвета* («Добро бы, брате, в то время помолодится, а молодому чести добыти, удалым плечь попытати»), *брата Пересвета Ослаби* («Брате Пересвет, уже вижу на тели твоем раны тяжкие, уже голове твоей летети на траву ковыл, а чаду моему Якову на ковыли зелене лежати на поли Куликове за веру христьянскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича»), *Дмитрия Ивановича* («Тутю стару помолодится, а молоду чти добыти»); («Брате князе Владимире, тутю испити медвеная чаша поведеные»); *разбитых*

и убегающих татарских полков («Уже нам, братие, в земли своей не бывати, а детей своих не видати, а катунь своих не трепати, а целовати нам зелена мурава, а в Русь ратью не ходити, а выхода нам у русских князей не прашивати») и *в речи фрязов в адрес Мамая* («А не быти тебе в Батыя царя»).

Приведенные здесь подробные цитаты, состоящие из инфинитивных предложений, – не самоцель. Они дают возможность очертить круг вопросов, связанных с темой, обозначенной в названии настоящих заметок, и возможные межтекстовой перекличкой, интертекстуально поддержанные их решения. Речь идет, в частности, о следующем:

В обоих сопоставляемых текстах инфинитивные предложения неизменно выступают в качестве *стилистически маркированных* конструкций. Их использование подчинено решению одной и той же задачи – созданию необходимого, согласованного со стратегией письменных памятников эмоционально-модального фона повествования, соответствующего степени его этно-исторической значимости. Передача того же модуса с помощью, например, лексических средств, с одной стороны, было бы невозможно, а с другой, – если и возможно, выглядела бы вяло, многословно, декларативно и неубедительно. Она была бы лишена прежде всего энергичности, напряжения динамики, не отделимых от природы инфинитивных предложений, которыми сопровождалась и описываемые в обоих памятниках исторические события.

Следовательно, инфинитивные предложения в исторической стилистике русского языка выступают как *ключевые, сквозные выражения*, соединяющие вербализованную языковую память двух поворотных исторических событий в русской

истории – битв при Калке и Непрядве, тем самым в значительной степени приобретая значение *символа, символа синтаксического*. Чисто внешне, абсолютно формально это нечто аналогичное конструкции, символически воплощающей в себе гамлетовскую дилемму «Быть или не быть?», но с той лишь разницей, что рассматриваемые конструкции строго ориентированы на ретроспективу, лишь на определенные памятники письменности прошлого, на те именно события, в описании которых были использованы намеренно, с установкой на определенную стратегию. То же самое можно сказать, к слову, о конструкции «Бди!» и образе Козьмы Пруткова. Другими словами: подобно тому, как выражение «Быть или не быть?» вызывает в нашей памяти образ Гамлета, так и конструкции, например, «Быти грому великому, итти дождю стрелами съ Дону Великаго!», «А Игореву храброго плъку не кресити» однозначно ассоциируются со «Словом о полку Игореве». С какими-либо другими событиями за всю русскую историю инфинитивные предложения как тип едва ли ассоциируются столь тесно.

Функционально-стилистическая семантика инфинитивных предложений в «Задонщине» вторична по отношению к семантике тех же конструкций в «Слове о полку Игореве», сами предложения освещены их светом. Это и естественно, ибо речь идет о синтаксисе оригинала и синтаксисе подражания, пусть талантливом, но – подражания в пределах одной и той же этно-словесной культуры. Отсюда становятся ясными существенные различия в функционально-семантическом диапазоне тех и других.

Если инфинитивные предложения в «Слове о полку Игореве» реализуют модально-синтаксические значения обоб-

щенно, в объективирующе-эпическом плане, то в «Задонщине» они оказываются привязанными к конкретным ситуациям, включенными в прямую речь с выраженными адресатами-вокативами. В «Задонщине» они не выходят за пределы модальности субъективной, личной, представляя точку зрения отдельного человека, говорящего. При этом приписываемые лицу действия тоже оказываются локализованными, как бы детально расписанными.

Сравним с этой точки зрения соответствующие фразы в обоих памятниках, характеризующие момент ожидания, момент предстоящего начала боя. В «Задонщине» она выглядит так: «Быти стуку и грому велику на речьки Непрядве меж Доном и Непром, пасти трупы челоуечью на поле Куликове, пролитися крове на речьки Непрядве». А в «Слове о полку Игореве» так: «Быти грому великому, итти дождю стрелами съ Дону Великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя, на рече на Каяле, у Дона Великаго».

Сопоставимые по общим объемам фрагменты несопоставимы по организации и выразительной мощи, в особенности – по началам. В «Слове о полку Игореве» предстоящие события рисуются величественно, как неизбежные, с использованием замечательных образов (итти дождю стрелами съ Дону Великаго!), в масштабе историческом. Фрагмент «Задонщины» – это описание, хотя и данное с ориентацией на будущее, но лишенное масштабности. Это проявляется и в лексике, и в монотонности выстраивания слов в высказывании, и в использовании однородных членов, лишаящих фразу динамики и т. д.

Если суммировать вышесказанное, то можно заключить, что одна и та же син-

тактическая модель предложения в зависимости от контекстуального окружения и текстовой стратегии может быть и эпически-возвышенным, и сниженно-разговорным. Пример тому – русские инфинитивные предложения в «Слове о полку Игореве» и в «Задонщине». Выявить, определить, благодаря чему одна и та же конструкция может функционировать то в одной, то в другой своей ипостаси, противопоставляясь сама себе, – это одна из задач стилистики текста в его жанровой и содержательной определенности. Замечу попутно, что дать ответы на подобного рода вопросы в рамках представлений, широко распространенных в современном дискурсоведении, едва ли реально. Эти ответы необходимо искать с использованием широких эвристических возможностей исторического языкознания и функциональной стилистики, изучающей не только прагматические аспекты речевых произведений.

Рассмотренный материал памятников письменности конца XII и конца XV веков показывает, что в формально-грамматическом плане инфинитивные предложения в русском языке на указанном промежутке времени не претерпевают сколько-нибудь заметных изменений. Более того, за исключением одной раз-

новидности, связанной с выражением ирреальной модальности (конструкции с частицей *бы*), инфинитивные предложения уже сложились к началу исторического периода (Историю их образования и изучения см. Тарланов 1964: 126–138; Тарланов 2005: 41–59). Главное, что отмечается в их истории – это расширение их функционального поля, охватывающего как книжные, так и разговорные формы речи, а также широкое использование вне сложного предложения в зависимой части. Стилистический статус инфинитивных предложений изначально предопределялся их модальным статусом. Являясь одним из специализированных синтаксических средств выражения модальности, они употреблялись лишь в таких текстах, для которых не была чужда модальная окрашенность. Однако те коннотации, которые рассматривались в предлагаемых заметках, выходят за пределы модально-семантических параметров инфинитивных предложений и должны быть квалифицированы, во-первых, как приобретенные в историко-культурном плане в результате развития их потенциальных возможностей и, во-вторых, как перекликающиеся в плане этнической типологии словесной культуры Русского Средневековья.

summary

Content- and formal-language correspondence as a stylistic factor

The article suggests an attempt of treating the contents-form-language inter change phenomenon found in two well-known Old Russian texts of different periods as a separate stylistic factor.

The infinitive sentences' structure analysis shows the way of their transformation to particular stylistic-cultural symbols easily identifiable.

The article also points to conditions giving marked national verbal culture attribute capacities to the texts in question.

Литература

16

- Виноградов 1982: **Виноградов, Виктор Владимирович**. Очерки истории русского литературного языка XVII–XIX веков. – Москва: Высшая школа. – 529 с.
- Гудзий 1962: **Гудзий, Николай Каллиникович**. Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII веков / Составил Н. К. Гудзий. Изд. 7-е, исправленное. – Москва: Госучпедгиз Министерства просвещения РСФСР. – 544 с.
- «Задонщина» 1947: **Задонщина** / Общая редакция Ф. М. Головенченко. – Москва. – 45 с.
- Тарланов 1990: **Тарланов, Замир Курбанович**. Об одном способе объективизации повествования в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ, т. 43. – Ленинград: Наука. – С. 143–147.
- Тарланов 1964: **Тарланов, Замир Курбанович**. Об основных проблемах изучения инфинитивных предложений в русском языке // Ученые записки Карельского педагогического института. Т. XVI. Гуманитарные науки. – Петрозаводск. – С. 126–138.
- Тарланов 2005: **Тарланов, Замир Курбанович**. Инфинитивные предложения и этапы их изучения в русском языке // Избранные работы по языкознанию и филологии. – Петрозаводск: ПетрГУ. – 783 с.
- Шамбинаго 1947: **Шамбинаго, Сергей Константинович**. Без названия // Задонщина / Общая редакция Ф. М. Головенченко. – Москва. – 45 с.